

UDC 13:297
DOI: 10.34671/SCH.HBR.2020.0402.0012

ИДЕЯ ИСЛАМСКОЙ НАЦИИ В ИСЛАМСКОЙ ФИЛОСОФИИ

© 2020

Меджидов Расим Гаджи Ага, докторант кафедры истории философии
и культурологи

Бакинский государственный университет

(1148, Азербайджан, Баку, ул. З.Халил, 2, e-mail: mecidov.68@mail.ru)

Аннотация. События на основе национализма в исламском мире создали большие проблемы среди мусульман. Конфликт националистических идей с мусульманским учением и серьезный удар по идеям мусульманского единства привели исламский мир в нежелательное русло. Известно, что исламское общество было сформировано из сообщества разных народов, и этот огромный союз объединил более миллиарда человек единой идеей, движением и чувствами. Присутствие элементов национальной принадлежности в сознании людей, разделяющих те же убеждения и идеи ислама, вызвало некоторый дискомфорт у исламских реформаторов, и у них сформировалось желание заменить национальные идеи концепциями исламской нации. Когда теоретические доктрины и философские концепции националистических идей приблизились к богословию, во многих исламских странах возникли споры о национальной идентичности и национальной принадлежности. Эти дебаты часто проходили в контексте «особой культуры», и во всех случаях были преувеличенные дискуссии об исламской культуре. Однако следует отметить, что мало известно о стратегии и концепции этой культуры, и предоставленная информация является односторонней, а в некоторых случаях предвзятой.

Ключевые слова: ислам, национализм, этнос и нация, XX век, Иран.

IDEA OF THE ISLAMIC NATION IN ISLAMIC PHILOSOPHY

© 2020

Majidov Rasim Haji Aga, doctoral candidate, Department of History of Philosophy
and Cultural Studies

Baku State University

(1148, Azerbaijan, Baku, Z. Halil St., 23 e-mail: mecidov.68@mail.ru)

Abstract. Events based on nationalism in the Islamic world created great problems among Muslims. The conflict of nationalist ideas with Muslim teachings and a serious blow to the ideas of Muslim unity have led the Islamic world into an undesirable direction. It is known that the Islamic society was formed from a community of different nations, and this huge union united more than a billion people with a single idea, movement and feelings. The presence of elements of nationality in the minds of people who share the same beliefs and ideas of Islam caused some discomfort among Islamic reformers, and they formed a desire to replace national ideas with the concepts of an Islamic nation. When theoretical doctrines and philosophical concepts of nationalist ideas approached theology, disputes arose in many Islamic countries about national identity and nationality. This debate often took place in the context of a “special culture,” and in all cases there were exaggerated discussions about Islamic culture. However, it should be noted that little is known about the strategy and concept of this culture, and the information provided is one-sided, and in some cases biased.

Keywords: Islam, nationalism, ethnos and nation, XX century, Iran.

Введение. Мортаза Мотahari (1919-1979), выдающийся мусульманский ученый в области исламской философии, мистики, юриспруденции и схоластики, указал на различия между национализмом и исламом: «Национализм – это сочетание этнических и национальных чувств, которые не основаны на разуме и логике. Как мы уже упоминали, ислам одобряет позитивные качества националистических чувств и отвергает негативные» [1, с.12].

Мы можем объяснить конвергенцию исламских и националистических идей со второй половины XIX века - начала XX века двумя причинами. Во-первых, национализм в то время не имел систематизированной идеологической основы. Во-вторых, религия функционировала для национальной буржуазии, включая элиту, как идеология массового влияния. На этом этапе идеи национализма стали становиться прогрессивным гарантом политической и экономической независимости для большинства мусульманских стран, наряду с идеями панисламизма против имперской политики. В результате происходящих процессов возникли различные национальные теории, которые оттачивали эти теории патриотическими идеями, что привело к появлению национальных государств светского характера.

Истинная природа выдвинутых националистических теорий всегда зависела от положения социальных слоев, существующих в данном пространстве. Этот процесс также проявлялся на определенных этапах развития ислама, и формирующаяся при этом мусульманская культура выделялась своей спецификой в любой части мусульманского мира. Не случайно Дж. Афгани (1839-1897), выдающийся реформатор-философ мусульманского мира, начавший свою религиозную и политическую деятельность во второй половине 19-го века,

каким-то образом сорвал антинациональную политику западных колонизаторов, скрыв свою национальность [2].

Этапы формирования представлений об исламской нации. После Первой мировой войны иранские идеологи, которые первоначально основывали свою официальную идеологию на идеях абсолютизма, представили первый этап этой политики как серию «непрерывных национальных традиций». Корни второго этапа восходят к доисламскому периоду «великой и могучей иранской империи», а «специфичность» иранского народа пропагандировалась на основе принципов национализма. Однако официальные историки того времени считали, что в Иране под руководством шаха, которого считали духовным лидером нации, произошла «белая революция». Шах, привязанный к иранцам неразрывными узами, имел возможность радикально изменить Иран» [3, с. 117-118].

Национализм, основанный на принципах монархии, создавал неизбежные противоречия. Отношение иранского общества, которое перешло от полуфеодалного к либеральному этапу развития, к идеям «белой революции», выдвинутых шахом, неоднозначно. Политическая исламская оппозиция элитарному национализму, умеренным религиозным движениям и формированию традиционных, фундаментальных и реформистско-религиозных слоев стала обычным явлением в то время.

Наряду с умеренной религиозной оппозицией сторонники политического ислама требовали восстановления прав шиитских священнослужителей путем ограничения автономии шаха и в рамках Конституции 1906 года. В результате в Иране в 1978-1979 годах произошла «исламская революция», которая привела к разногласиям во всех социальных и классовых слоях общества, осо-

бенно среди духовенства. Главной причиной прихода к власти духовенства было пересечение идеологии шиитов с секуляризмом.

Реформистско-модернистские процессы, происходящие в исламе, привлекают национализм как политическую теорию, отвлекают внимание от религиозной политики, сосредотачиваясь на рациональных взглядах на мир, и формируют теоретические основы светского государства, которое является величайшей мечтой националистов. А. Шариати, которому среди иранской молодежи было присвоено звание «Вольтер иранской революции», влиятельные религиозные деятели М. Талегани, М. К. Шариатмадари и многие другие, были против давления институтов власти над человеком, а не против политизации ислама, авторитаризма и монополии. Однако консервативные силы во главе с Р.М. Хомейни отвергли эти идеи и нанесли серьезный удар по светским идеям и современным реформам через официальную идеологию, поляризованную в рамках исламского фундаментализма, провозгласив лозунг «ни Восток, ни Запад, только Исламская республика». Носители этой идеи, ссылаясь на исламские учения и Коран, объяснили идеи национализма тем, что вся мусульманская умма была единой нацией, в то же время претворяя в жизнь принципы воинствующего национализма и шовинизма.

Добавляя идеи Дж. аль-Афгани о мессианстве и панисламизме к принципам «вилайати-фикх», иранские исламские идеологи, возможно, неохотно политизировали мусульман и вовлекали их в разнообразную политическую среду. В то время, как некоторые идеологи и публицисты отдали приоритет нации и национализму, другие стремились установить принципы панисламизма, а третья сторона стремилась установить принципы совместимости ислама и национализма [2].

Иранский национализм, который принял различные формы, стал ведущей идеологией современного Ирана и определил социально-политическую, экономическую, культурную, историческую и философскую парадигму страны как важный элемент существующей политической сцены. Действительно, многие исторические и философские дискуссии в современном Иране вращаются вокруг проблем иранского национализма, и большинство вопросов и гипотез основаны на «аутентичных» версиях. Проблема, которую мы изучаем, принципиально близка к трем основным направлениям развития националистической мысли: светскому национализму, династическому национализму и религиозному национализму. Эти тенденции включают в себя три основные парадигмы идеологического развития, упомянутые выше. Основные элементы светского национализма в Иране, как и в Турции, были взяты из Европы, но развивались по-разному и служили только националистической идеей для избранных в рамках определенных параметров.

На первом этапе иранский национализм, основанный на принципах секуляризма, пытался консолидироваться вокруг идеи «иранской или персидской» государственности, но на основе административного давления династических националистических принципов передал свою функциональную аутентичность шахским «пехлевийским» националистическим идеям. «Пехлевизм» подчеркивал «специфику» всех людей, живущих в Иране, и возвышал абсолютизм, шаха и национализм на уровне апологетики [4].

Одним из основных компонентов этой идеологии является ее приверженность исламским традициям. Тем не менее, тщательное изучение «пехлевизма» показывает, что на самом деле ислам был в некотором смысле институционализирован, чтобы подчинить и служить этой идеологии. «Основной целью пехлевизма был абсолютизм, распространение современных форм капитализма сверху и укрепление основ «белой революции», создание бюрократической буржуазии, банковской и промышленной олигархии и крупного коммерческого

капитала» [5, с.295].

В результате вышеупомянутых процессов симптомы национального кризиса стали появляться во всех сферах иранского общества. Многие опытные наблюдатели отмечают, что средний класс постепенно отходит от принципов династического национализма к религиозному национализму, и показали авангардную роль этого класса в изменениях, которые могут произойти в ближайшем будущем. Чтобы понять суть процесса, так сказать, его философию, необходимо взглянуть на корни современного иранского национализма.

Этнические корни иранского национализма очень глубоки, и возникновение национализма в Иране связано с богатыми историческими традициями, принципами наследования и особой самобытностью народов, живущих здесь. Язык, литература, лирическая поэзия и, самое главное, территориальная целостность иранского государства, не претерпевшего существенных изменений на протяжении тысячелетий, способствовали тому, что Иран стал одной из самых благоприятных стран для развития современных националистических идей, обеспечивающих историческую преемственность. Эти параметры задают этапы этнической идентичности иранского населения в эволюционном направлении и определяют принципы «культурного наследия» на основе ряда классических этапов.

Распространение ислама в Иране с XII века и «поглощение» этого государства исламским халифатом создало этническую и культурную напряженность в регионе. Этнические и культурные различия сталкиваются с дилеммой «это арабское» или «иранское», а происходящие процессы политической ассимиляции нелегко однозначно перенести на культурную поверхность. Зороастрийский новогодний праздник Новруз и праздник плодородия Мехрегани никогда не могли быть стерты из памяти иранцев. В результате в Иране была создана синтетическая культура в соответствии с арабскими правилами в контексте «самобытности исламской культуры».

Начиная с IX века, «новый персидский» национализм, похожий на европейский лингвофранкийский национализм, начал возрождаться в соответствии с иранской идентичностью. В этом направлении были развиты новая литература и поэзия, и произошло много культурных и философских событий, направлявших новую элиту к персидскому национализму [6].

Создавая мифы об Иране и его шахах в новом контексте, Фирдовси продемонстрировал разнообразие «национальных» воспоминаний в единой формирующей структуре, создавая условия для «поглощения» династических националистических идей социальными слоями. С этой точки зрения, определяя исторические и философские аспекты династического национализма, который считается первым этапом иранского национализма, мы не хотели адаптировать активированную иранскую идентичность к политическим реалиям. По общему признанию, этот процесс всегда измерялся культурными и философскими параметрами, а этнический состав иранцев постоянно подвергался «культурной диффузии». [6].

Династия Сефевидов, возникшая в XVI веке, нанесла серьезный удар по культурной и политической идентичности Ирана, основанной на национальных ценностях и возвышении религиозного национализма до максимализма (крайний шиизм: Р.М.). Эти процессы открыли новую страницу в современном иранском национализме в последующих династиях - династия Афшар, династия Гаджар, с помощью бюрократического аппарата в ритуальном и формальном смысле.

Реза-шах, узаконивший имя «Пехлеви» в 1925 году, создал свою собственную династию и попытался представить ее, как преемницу древних иранских династий. Эта ассоциативная аналогия преследовала цель представить государство Пехлеви в качестве одной из центральных основ светского национализма. Возвышая Пророка

Зороастра и его пророческую миссию в доисламский период истории Ирана, он утверждал, что у иранцев была «арийская раса» и «арийский дух». Не довольствуясь этим, шах утверждал, что именно система «укоренившихся иранских ценностей» легла в основу мировой исламской цивилизации» [7, с. 62-64].

Земли, населенные азербайджанцами, долгое время существовали как центры разных культур, идеологической деятельности и борьбы, а также как территориальные единицы без коллективной идентичности. В конце XIX века национальная идентичность Азербайджана, сформированная по своим параметрам, стала важной силой в области историко-философской и социально-политической борьбы. Азербайджанская идентичность начала формироваться под влиянием революционных изменений, стремительного распространения националистических идей и различных идеологических течений во всех империях, расположенных на границах Азербайджана. В то время острая идеологическая борьба между панисламизмом, пантюркизмом, иранским национализмом и растущими коммунистическими идеями в регионе стимулировала становление националистических идей в Азербайджане и породила современные националистические идеи.

В результате распада Османской империи в начале XX века разделение между мусульманской и османской идентификацией, турецкой культурной самобытностью и принципами идентичности в турецком государстве привело к созданию Турецкой Республики. В то же время, изменения в идентичности иранской государственности и участие азербайджанцев в этой борьбе еще более драматизировали структурные изменения в государстве в регионе.

Идеи исламской нации в Иране. Начиная с XI века вплоть до династии Пехлеви политическая элита Ирана формировалась на основе турецкой, турецко-персидской культурной самобытности и определяла этнический характер страны, культуру и систему национальных ценностей. В этот период столица иранского государства находилась в основном в районах, населенных азербайджанцами, а город Тебриз служил крупным промышленным и торговым центром Ирана и центром определения политической ситуации.

«Персианизация» иранского национализма осуществлялась главным образом посредством устранения «иностранных» слов в официальном языке, стандартизации грамматики и орфографии. В других областях новая идеология также применялась насильственно, а кочевой образ жизни преследовался повсюду как элемент, противоречащий национализму и национальным проектам. Западный образ жизни и западная одежда поддерживались и мотивировались аргументом, что империя Сасанидов имеет европейское происхождение и близка к европейской системе ценностей. Конечно, принципы такого подхода вызвали серьезную неудовлетворенность среди этнических групп, веками проживающих в Иране, особенно азербайджанских турок.

Многие азербайджанские источники подтвердили, что большая часть населения в Иране была турецкой или никогда не была персидской. Напротив, персидские источники считали, что люди, жившие в Иране до XX века, были персами, а затем в результате историко-философских, общественно-политических событий произошел процесс тюркизации. Эти споры привели к серьезным манипулятивным процессам между иранскими националистами, пантюркистами и азербайджанскими националистами разных идеологий.

Как отмечалось выше, после того, как исторические земли с азербайджанской идентичностью были разделены Россией и Ираном, контролируемые Россией территории (Северный Азербайджан: Р.М.) постепенно, с конца XIX века, стали своего рода экспериментальным полем светского национализма. [8, p.150].

Начиная со второй половины XIX века, отношение Хуманитарни Балкански изследвания. 2020. Т. 4. № 2(8)

мусульман Азербайджана к современной науке и секуляризму было уникальным в мусульманском мире. Эта уникальность измерялась тремя основными параметрами.

Первый параметр мы можем определить в контексте геоидентичной нации. Аргумент этой концепции определяется формированием азербайджано-мусульманской среды идентификации в Иране и османских землях и на территориях, оккупированных Россией, и, как следствие, появлением азербайджанских националистических идей.

Второй параметр расположен в рамках формулы геополитической нации. Аргумент этой концепции заключается в том, что большинство политических партий и организаций, независимо от их природы, и видные азербайджанские интеллектуалы, создавшие эти организации, предпочли систему либеральных ценностей, пытались провести различие между свободой мысли и современным образованием и традиционным религиозным образованием. В результате многие азербайджанские идеологи объединили либеральную идеологию с панисламскими идеями и выступили за уникальную гармонию шиитско-турецкой идентичности.

Третий и последний параметр мы можем определить в рамках формулы геополитической нации. Аргументация этой концепции: в рамках турецкой культурной идентичности большинство азербайджанцев начинают считать себя азербайджанским народом, а популяризация публикаций на азербайджанском языке и литературы на азербайджанском языке определяет философский язык, идеологию и стратегию азербайджанского национализма.

В конце XIX века спор о национальной принадлежности азербайджанцев достиг своего апогея. Основным направлением этих дебатов была пресса на родном языке, а затем и вновь образованные кружки. Газету «Экинчи», изданную в 1875 году под редакцией Гасана бека Зардаби (1837–1907), можно считать первым органом печати азербайджанских националистов. Местные панисламисты, которые первыми серьезно отреагировали на использование газетой азербайджанских слов, даже не хотели слышать никаких слов, кроме персидских. В свою очередь, российские чиновники нанесли серьезный удар по местным националистам, объявив о закрытии газеты в 1877 году со ссылкой на русско-турецкую войну.

Однако с помощью Гаджи Зейналабдина Тагиева (1823–1924) Али Мардан бек Топчубашов (1862–1931) начал издавать газету «Каспий» на русском языке, что немало повлияло на эту неопределенность. Пытаясь сохранить идеи пантюркизма в повестке дня, эта пресса из-за языкового фактора охватывала только определенную группу интеллигенции. М. Шахтахтинский был сильным сторонником идей светского национализма со времен Российской империи и одним из главных представителей тех, кто утверждает, что эти идеи – единственный путь развития мусульманской общины.

В конце XIX века популярность панисламистских и пантюркистских идей в регионе сыграла важную роль в формировании азербайджанских националистических идей. Азербайджанские панисламисты считают себя последователями Сейеда Дж. Афгани, духовного отца панисламизма, и были идеологически близки исламским националистам в Иране. С другой стороны, «хотя многие азербайджанцы приняли турецкую идентичность в культурном контексте, у них было очень слабое представление о турецком единстве и они не приняли турецкое политическое единство» [9, p.33].

Тем не менее, азербайджанцы сыграли значительную роль в появлении идей пантюркизма в Османской империи за пределами Азербайджана. Одним из таких азербайджанцев является Али бей Гусейнзаде (1864–1941). В 1889 году Ибрагим Темо, Абдулла Джевдет, Исхак Сукути и Али бей Гусейнзаде, которые работа-

ли студентами-врачами в Османской армии, основали Иттихад-и-Оттоманское общество, одну из первых тайных националистических организаций тюркского мира. Присоединившись к младотуркам в 1906 году, общество и его члены были преобразованы в последующие годы в Республиканскую народную партию, самую сильную и светскую партию в Турции. Один из главных идеологов пантюркизма, Зия Гекалп, получил от Али бея Гусейнзаде свой самый известный лозунг «Тюркификация, исламизация, европеизация», считая его своим главным учителем. В этом контексте мы можем отметить, что азербайджанские националисты отошли от доктрины гражданства и приблизились к либеральному национализму, приняв принципы этнического национализма.

Националистические идеи чувствуют себя очень комфортно в среде с доктриной гражданства. Однако адаптация идей этнического национализма к демократическому обществу создает много проблем. Если мы считаем этнические чувства национализмом, то возникает вопрос о том, применимы ли к нему в любом случае тезисы гражданства, и любая националистическая группа будет злоупотреблять принципами гражданства на основе этнической принадлежности. В демократических обществах приверженцы этой идеи формально демонстрируют приверженность идеям либерализма и начинают процесс «чистки» от иностранных культурных и этнических элементов посредством принципов самоопределения. Однако многие европейские философы признали, что ислам отвергает элитарность и принимает эгалитаризм (принцип равенства: Р.М.) как фундаментальный принцип национализма.

А.А. Гелнер (1924-1995) в своей оценке проблем «ислама и национализма» отождествлял национализм с эгалитаризмом и оценивал высокие культурные и социальные отношения в контексте культурных отношений между людьми. Другими словами, новая нация может возникнуть не в своих политических границах, а в исламской цивилизации в целом [10]. Таким образом, европейские философы считали идеологию исламской нации самым «идеальным носителем» и самой «идеальной формой» фундаментальных националистических идей для мусульманского мира.

Свершение трех политических революций на периферии территорий, населенных азербайджанцами в 1905-1908 годах: русская революция в 1905 году, конституционная революция в Иране в 1906 году и революция молодых турок в Османской империи в 1908 году сыграли серьезную каталитическую роль в национальной идентичности азербайджанцев. Эти революции и контрреволюции, мировая война и кратковременная иностранная оккупация части территории Азербайджана привели к формированию независимых национальных идей среди азербайджанских националистов, особенно в во вновь созданной Демократической Республике Азербайджан на севере.

В то же время, в связи с этими событиями, азербайджанцы, проживающие в Иране, очень активизировались. Среди азербайджанцев, сыгравших авангардную роль в иранском конституционном движении, начали формироваться два течения. Представители первого движения считали себя иранцами и отвергали общую персианизацию, а представители второго движения требовали культурной автономии в рамках наднационального государства, закрепленной в Конституции. Представители второго направления были идеологически ближе к либеральному национализму и укрепили свою способность устанавливать широкие связи с этническими азербайджанцами на севере.

Многие азербайджанцы, проживавшие в Иране в то время, буквально жертвовали жизнью ради формирования азербайджанской нации и самобытности. Мирза Хасан Рушди (1850-1943), родившийся в Тебризе, занимал видное место среди этих интеллектуалов [11, p. 21].

Однако Шах Гаджар Мухаммед Али на все эти попытки, стремление обрести статус национализма в рамках национальной идентичности, отреагировал попыткой подавить конституционную революцию 1908 года. Все это было встречено сильным протестом и вооруженным сопротивлением со стороны большинства азербайджанцев, иными словами, молодых азербайджанских националистов во главе с Саттаром Ханом (1866-1914). Саттар хан, захвативший Тебриз, вскоре создал необходимые условия для деятельности прессы на родном языке, которая считается одним из главных атрибутов националистов. Имея тесные связи с азербайджанцами, проживавшими на севере, Саттар хан очень чутко относился к национальному содержанию литературных произведений об азербайджанском языке и культуре. «Саттар-хан был тесно связан с левой тогдашней партией *Fiqeh-i İjtimaуun Ammiуun* (Иранская социал-демократическая партия: Р.М.), созданной в то время на Кавказе» [12].

Несмотря на эти исторические катаклизмы, азербайджанские националисты, живущие по обе стороны реки Араз, не были сбиты с толку во время революционных процессов в регионе и строго придерживались всех параметров единой философии интеллектуального и политического существования [13].

Таким образом, получается, что для азербайджанских националистов, действующих в регионе, границы реки Араз были не важны, и историко-философская парадигма азербайджанской идентичности развивалась и формировалась. Со времен Сефевидов до династии Пехлеви правящая элита Ирана состояла из азербайджанцев, что, в свою очередь, создавало определенную турецко-персидскую напряженность для правящей элиты, сохранявшей свою тюркскую идентичность. Хотя большинство азербайджанцев, проживающих в Иране, считают себя иранцами, они всегда были тесно связаны с тюркской самобытностью, персидской культурой и языком, и все они связаны с моделью Сефевидов. Азербайджанцы, живущие на азербайджанских землях, которые были насильственно присоединены к российскому государству, никогда не могли приспособиться к российской идентичности и сказать: «Я из России». Напротив, азербайджанцы, которые веками были ведущей силой в иранском государстве, использовали слова «я из Ирана», и это мое государство.

Выводы. Эти противоречия продолжались до середины XX века и сопровождались разработкой идеологической программы иранской идентичности в иранском обществе. В основе этой программы лежали цели конституционной революции: основы национального государства и процесс получения гражданами права участвовать в решении национальных вопросов в результате развития гражданского общества. Идеологи пехлевизма взяли последний в качестве основы династического национализма и представили модернизацию как создание гражданского общества на этой основе. В результате большая группа иранских интеллектуалов пришла к формированию основы национальной идентичности Ирана, основанной на идеях Персидской империи 25-ти-вековой давности.

В то же время финансируемые государством партии Меллион, Иран-и-Новин, Мардом и Растакиз продвигали идеи ахеменидского национализма и представляли его как позитивный национализм. Многие наблюдатели рассматривали этот процесс как способ для шаха управлять страной с единой, абсолютистской правящей позиции. [3, с.176].

Таким образом, роль шаха в династической националистической системе «ценностей», разработанной параллельно с иранской политической системой, была сильно преувеличена. Он стремился воплотить себя в воле и разуме каждого иранца и в то же время объявил, что процесс «санкционирован» Богом и «белая революция» является религиозным аспектом этой доктрины.

Однако, несмотря на все это, национальная идентичность в Иране постепенно сместились на религиозный уровень, и идеи исламского национализма расширились и стали более широко распространенными. Основными идеологами религиозно-националистических идей стали аятолла Мортаза Мотехари (1920-1979), Али Шариати (1933-1977) и Мехди Безарган (1907-1995).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Муртаза Мутаххари. *Иран и ислам: история взаимоотношений*. — Пер. с перс., примеч. М. Махиулова. — СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2008. — 480 с.
2. Mürşüdüllü Q. Səmələddin Əfqani – İslam birliyi // *Fəlsəfə və sosial-siyasi elmlər*. N. 5-6 (23-24) Bakı: 2008, s. 25-31
3. Дорошенко Е.А. Эволюция исламских концепций в официальной идеологии Ирана. // *Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока*. М.: 1968
4. «Белая революция»: провал модернизации сверху [Текст] / М. А. Сергеев, С. Н. Саруханян // *Полития*. - 2012. - № 3. - С. 132-145. // <http://ecsocman.hse.ru/politeia/msg/50331669.html>
5. Азаев, С.Л. Иран между прошлым и будущим. События. Люди. Идеи. С.Л. Азаев, – М.: Политиздат, – 1987. – 319 с.
6. *The Idea of Iran: Nationalism, Identity and National Consciousness among Diaspora Iranians. A Thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts at George Mason University* // <http://ebot.gmu.edu/bitstream>
7. Полонская Л.Р., Вафа А.Х. *Восток: идеи и идеологи*. М.: 1982. с 62-64
8. Muriel Atkin. *Russia and Iran: 1780-1828*. Minneapolis: University of Minneapolis. 1980, p.150
9. Swietochowski Tadeusz. *Russian Azerbaijan, 1905–1920. The Shaping of a National Identity in a Muslim Community*. Cambridge University Press. 1985
10. Геллер Эрнест. *Нации и национализм* // <http://www.e-reading-lib.com/book.php?book>
11. T.C Ankara Üniversitesi. *Sosial Bilimler Enstitüsü*. “19. Yüzyıldan Günümüze İran da Türkçe Basın-Yayın Hayatı” Ankara 2005. säh 21. <http://acikarsiv.ankara.edu.tr/browse/2279>
12. Janet Afary. *Peasant rebellions of the Caspian region during the Iranian constitutional revolution, 1906-1909*. *Int. J. Middle East Stud.* 23 (1991), 137-161 // <http://psi203.cankaya.edu.tr/>
13. Tadeusz Swietochowski. *Russian Azerbaijan, 1905–1920. The Shaping of a National Identity in a Muslim Community* // <https://www.cambridge.org/core>